

PKD

PHILIP K. DICK

THE MAN
WHOSE TEETH WERE
ALL EXACTLY ALIKE

ФИЛИП К. ДИК

ЧЕЛОВЕК
С ОДИНАКОВЫМИ
ЗУБАМИ

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Д45

Philip K. Dick

THE MAN WHOSE TEETH WERE ALL EXACTLY ALIKE

Copyright © 1984 by Philip K. Dick

Copyright renewed © 1992 by Laura Coelho,
Christopher Dick and Isa Hackett

All rights reserved

Дик, Филип Киндред.
Д45   Человек с одинаковыми зубами / Филип К. Дик ;
[перевод с английского И. Нечаевой]. — Москва : Эксмо,
2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-216061-5

Лео Рансибл слишком возбудим и напорист. Его жена слишком много пьет. Может, он и является принципиальным человеком, но здесь, в Каркинезе, в калифорнийском округе Вест Марин, он чужак. Когда Лео вступает в спор со своим соседом, это, соответствуя причудливой логике причин и следствий, приводит его в совершенно неожиданном направлении. А ведь казалось, что найденный череп неандертальца действительно может стать решением многих проблем.

Один из лучших реалистических романов Филипа К. Дика. Впервые публикуется на русском языке.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-216061-5

© И. Нечаева, перевод на русский, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Винсенту Ф. Эвансу

1

Сантехник из водопроводной компании округа Вест-Марин копался в камнях и листьях, разыскивая дыру в трубе. На трубу наехал грузовик и сломал ее своим весом. Грузовик прислали, чтобы обрезать деревья вдоль дороги, — последнюю неделю рабочие подрезали ветки кипарисов. Они и вызвали сантехника, позвонив с пожарной станции в Каркинез, где находилась водопроводная контора.

Хотя из-за аварии пришлось проехать добрых двадцать миль, сантехник не злился на грузовик. Трубы тут были старыми и гнилыми. Не реже раза в неделю что-нибудь происходило: то на трубу наступала корова, то ее проламывал корень.

Сантехник многократно говорил клиентам, что трубы давно пора менять. Он не скрывал своих чувств. Он также говорил, что летом, когда давление воды падает, водопроводная компания должна включать насос подкачки. И владельцу компании он это говорил. Но компания не приносила прибыли, ее владелец каждый год терял деньги и мечтал ее продать. Вкладываться он был не готов.

Сантехник поднялся на холм. Он обнаружил протечку: темное пятно растеклось по земле между двумя кипарисами. Но он не торопился.

Сквозь деревья доносились детские голоса. Вскоре он увидел мужчину, который сопровождал группу детей и что-то им объяснял. Сантехник узнал мистера Уортона, учителя. Экскурсия для четвертого класса. На обочине, рядом с грузовиком водопроводной компании, был припаркован универсал. Мистер Уортон с детьми прошли той же дорогой, что и сантехник, и вскоре они столкнулись.

— Опять авария, — сказал сантехник.

— Не удивлен, — откликнулся мистер Уортон.

— Вы идете к известняковым карьерам?

Карьеры располагались в четверти мили от дороги. Сантехник знал, что мистер Уортон каждый год водит четвертый класс посмотреть на них.

— Да, пора на них посмотреть, — улыбнулся мистер Уортон. Его круглое молодое лицо раскраснелось от ходьбы, а лоб блестел от пота.

— Не позволяйте детям прыгать по трубам.

Оба посмеялись над мыслью о том, что гнилая старая чугунная труба сломается под весом школьников. Хотя, возможно, это было не так уж и смешно. Оба снова сделались серьезными. Дети бродили среди деревьев, болтали и кидались шишками.

— Что вы думаете о словах Боба Морса? Дескать, вода тут загрязнена, — спросил мистер Уортон.

— Не сомневаюсь, что так оно и есть.

Видя, что сантехник не рассердился, мистер Уортон продолжил:

— Иногда она такая грязная, что не видно дна унитаза. И пятна остаются.

— В основном это ржавчина, — пояснил сантехник, — уверен, что беспокоиться не о чем. — Он по-

скреб грязь носком ботинка, и оба посмотрели на землю. — Что меня беспокоит, так это то, что из септиков грязь просачивается в водопровод. Тут нет ни одного чистого колодца, и не верьте никому, кто скажет вам обратное.

Мистер Уортон кивнул.

— Никогда не копайте колодцы в этом районе, — продолжил сантехник, — я знаю много людей, кому не нравилось, что вода в водопроводе мутная и ржавая, так они пробурили скважины и получили прекрасную чистую на вид воду. Но на самом деле она в десять раз грязнее! Внешность не имеет никакого значения, а единственное загрязнение, которое есть в водопроводе, — это то, что туда просачивается. Но это долгий процесс, даже с учетом гнилых труб.

Он разволновался и повысил голос.

— Понимаю, — согласился мистер Уортон.

Они немного прошлись. Дети шли за ними.

— Приятный денек, совсем без ветра, — сказал мистер Уортон.

— Здесь прохладнее, потому что к побережью ближе. Я приехал из Сан-Рафаэля. Там очень жарко.

— Не выношу сухую жару, как в долине, — подержал мистер Уортон.

Оба они привыкли раз за разом повторять эти слова всем, кого встречали в течение дня. Иногда они обсуждали, какие лекарства прописывал доктор Теранс и какие предлагал фармацевт в Каркинезе тем, кто не мог позволить себе услуги доктора Теранса.

Врач был совсем молодым и очень занятым человеком, водил новый «крайслер» и никогда не бывал в этом районе по выходным. Если в выходные случа-

лась автокатастрофа, пострадавшим приходилось туго. Их везли через гору Тамалпаис, аж до Милл-Вэлли.

— Ну, — сказал мистер Уортон, — нам пора на кладбище.

— Простите?

— Наша следующая остановка — кладбище. Вы разве не знали? Тут есть маленькое старое кладбище. Я всегда вожу туда класс. Там есть надгробия, которым уже сравнялось сто пятьдесят лет.

Уортон полагал, что жить в этой местности стоит хотя бы ради ее истории. У каждого фермера здесь была своя коллекция наконечников стрел, шил и ручных топоров индейской работы. Сам учитель тоже мог похвастаться собранием обсидиановых наконечников стрел и копий, блестящих, черных и очень твердых. Его коллекция, снабженная этикетками, хранилась под стеклом в вестибюле средней школы и демонстрировалась приезжающим родителям.

В городе Уортон считался авторитетом в области индейских вещей. Он выписывал «Сайнтифик Америкэн», держал дома змей — прямо в кабинете, рядом с коллекциями камней и окаменелостей, раковинами моллюсков, копролитами и акулыными яйцами.

Среди всех его сокровищ самым ценным считался окаменевший трилобит. Но самыми эффектными — что в классе, что дома — неизменно оказывались радиоактивные камни. В ультрафиолетовом свете (для этого у него была специальная лампа) камни светились разными цветами. Если кто-нибудь находил странный камень, растение, птичье яйцо или что-то, что казалось достаточно старым или принадлежащим индейцам, это немедленно несли ему. Почти всегда

он мог сказать, была ли находка хоть сколько-нибудь ценной.

Маленькое кладбище, почти заброшенное и известное только нескольким взрослым, было очень старым. Там покоились первые поселенцы в этих краях. На могилах виднелись старые швейцарские и итальянские имена. Некоторые надгробия попадали, суслики перекопали землю и убили все растения, кроме кустов шиповника, которые росли на возвышенности.

На самых старых могилах стояли деревянные кресты, бережно вырезанные вручную. Некоторые из крестов лежали в густой траве и зарослях овса.

Порой кто-то — очевидно, чужаки — приходил и оставлял цветы на могилах. Каждый раз, проходя сюда с классом, он видел баночки от майонеза и стаканы, из которых торчали засохшие стебли.

Пока Уортон с классом шли к кладбищу, к учителю подошла девочка и начала задавать разные вопросы. Обсудив несколько тем, она наконец, запинаясь, спросила, верит ли он в призраков. Каждый год во время этой экскурсии начинал бояться минимум один из детей, Уортон давно к этому привык и придумал ответы.

Он напомнил классу, что в воскресной школе — а все дети в этом районе ходили в воскресную школу — им говорили о рае. Если души умерших возносились на небеса, как могут призраки бродить по земле? Он сказал, что души исходят от Бога — по крайней мере, так говорили детям — и возвращаются к нему же. И очень глупо бояться душ тех, кто уже умер, — как и тех, кто еще не родился, душ будущих поколений.

Остановившись, он дополнил свой рассказ несколькими более профессиональными утверждениями.

— Посмотрите, — сказал он им, указывая на деревья и кусты вокруг и на саму землю. — Не думайте о мертвых людях, вспомните о жизни вообще, о миллионах лет, на протяжении которых тут жили самые разные животные, которые приходили и уходили. Куда они делись? Обратно в землю. Такова здесь была земля, плотный плодородный слой, из которого рождалась новая жизнь, проживала свой срок, а затем снова уходила. — Все это казалось естественным и закономерным. Мертвые тоже уходили в землю. От бактерий до растений, от мелких грызунов до человека: все они лежали прямо под ногами. Прошлое. И как это было прекрасно; какая чудесная, продуманная система. Он продемонстрировал детям кучу компоста, гниющие листья, сваленные под земляничным деревом, и белую плесень. Запустив пальцы в листья, уже наполовину ставшие землей, он показал, какое это плодородное, влажное вещество, заставил детей его понюхать и потрогать. — И человек не был исключением. В этом процессе участвовали и наши собственные предки. — Эта идея, как и в прошлые годы, заметно успокоила детей.

Опасения исчезли, нервная болтовня и хихиканье прекратились. Вот почему он привел их сюда: познакомить их с этой идеей, объяснить, что в цикл развития включены и они сами. Не бойтесь природы, сказал он им. И помните — все, что происходит, естественно. Нет ничего вне природы. По-своему, не отрицая ничего, чему детей учили катехизис и священники, он избавил их от части суеверий.

Работа учителем начальной школы в небольшом городке научила его тактичности. Ему приходилось

иметь дело с родителями, которые трудились на фермах и придерживались фундаменталистских идей в религии, в политике и всех общественных вопросах. В классе сидели крупные неуклюжие двенадцатилетние мальчики с ранчо, почти идиоты, которые с трудом учились даже читать. Им предстояло вернуться на родное ранчо и доить коров, их жизнь была распланирована раз и навсегда. А рядом с ними сидели умные детки, переехавшие с родителями из городов побольше. И амбициозные дети мелких лавочников, дантистов и других специалистов. Было даже несколько детей из очень богатых семей, которым принадлежали дома с видом на пляж.

Впереди показались гранитные верхушки самых больших и изящных надгробий. Но мистера Уортона и учеников четвертого класса не интересовали высокие склепы и статуи в центре кладбища, они пришли полюбоваться самыми старыми могилами. Они располагались по краям, какие-то даже за пределами деревянного забора. Неужели эти крошечные древние надгробия упали и укатились с кладбища до самого ранчо Макрея? Или, когда десяток лет назад ставили забор, рабочие просто не заметили эти жалкие могилы?

Мистер Уортон открыл ворота под взглядом нескольких коров. Коров на кладбище не пускали. Мальчики побежали к первой могиле, выискивая дату:

— Тысяча восемьсот восемьдесят четвертый! Смотрите, мистер Уортон!

Лео Рансибл, местный агент по недвижимости, на своей машине вез пожилую пару по плоским холмам. Оба старика жаловались на ветер и сырость; они-то ду-

мали, что здесь будет такой же здоровый климат, как в глубине страны.

— Слишком много папоротников, — сказал старик, когда они подошли осмотреть дом. Чтобы отпустить это замечание, он вынырнул из своего маразма. — Там, где растут папоротники, всегда сыро.

— Никаких проблем, — отозвался Рансибл, — я могу найти несколько домов в отличном состоянии в сухой открытой местности, и они будут вам по карману.

И теперь они собирались посмотреть эти дома.

Но конечно, это были фермерские дома, совсем не модные, не как те, к востоку от хребта Болинас, которые он им только что показывал. И они были не в лучшем состоянии. Рансибл прекрасно это знал, и он знал, что пожилой паре фермерские дома покажутся запущенными грязными лачугами. Их строили дорожные рабочие и люди с мельниц. Самый низший класс. Дома на сваях. Ему не нравилось их показывать, и он старался не брать их в работу. Ну ради бога, подумал он. Ты что, собираешься на закате торчать во дворе, где сыро и ветрено? Или все-таки будешь сидеть в теплой гостиной? Он формулировал эту мысль, прекрасно зная, что старики не купят ни одну из фермерских лачуг. Если он им что-нибудь и продаст, то это будет оштукатуренный или покрытым гонтом домик на склоне холма, а не лачуга из белой вагонки.

— Там, куда мы едем, большие участки? — поинтересовался старик.

— Нет, — ответил Рансибл, — но я полагаю, что у вас достаточно мудрости, чтобы не покупать большой участок.

Оба старика покорно закивали, настолько он был резок.

— Достигнув зрелости, человек должен наслаждаться жизнью, а не становиться рабом десяти акров сорняков, которые каждый год придется косить, чтобы не случился пожар. И знаете что? В округе есть список из более чем сорока растений, которые запрещено выращивать на своей земле. Вам придется выучить, как выглядит каждое из них, и лучше бы вас не поймали, а то выпишут штраф.

— А какое округу дело? — спросила старуха.

— Для скота опасно, — пояснил Рансибл, — список вывешен на почте. Опасные растения. Их становится все больше.

Дома, которые он собирался им показать, стояли вдоль дороги. Из окон каждого из них можно было разглядеть все остальные. В некоторых дворах лежали ржавые кузова автомобилей, которые каждый раз его страшно раздражали. Но ведь теперь приняли закон... Возможно, ему следовало написать в дорожный патруль или кому-нибудь в Сан-Рафаэле и перечислить имена нарушителей. В конце концов, из-за этого падают цены на недвижимость.

Но какое этому быдлу дело до соседей?

— Кем вы работаете, мистер Дитерс? — спросил он старика.

— Я сейчас на пенсии, а до того занимался банковским делом. Много лет работал в «Американ траст компани», а до этого в «Крокер».

Пожилая пара указала, что дом должен стоить не дороже девяти тысяч. Но Рансибл рассудил, что сумму можно будет поднять до десяти или даже десяти с по-